

дов, основанную на общности какого-либо социального или социально-демографического признака и обнаруживающую единый комплекс речевых закономерностей, т. е. закономерностей использования языка». А. Д. Швейцер. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1975.

3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 14-15.
4. Носилов К. У вогулов. Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 303 с.
5. Носилов К. На Новой Земле. Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 365 с.
6. Шесталов Ю. Повести ленинградских писателей. Лениздат, 1983. 415 с.
7. См., например: К. Д. Дешериев. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики // Язык и общество. М., 1968; Л. Б. Никольский. Изучение языковой ситуации как прикладная языковая дисциплина (к постановке вопроса) // Историко-филологические исследования: Сб. статей к семидесятилетию ак. Н. И. Конрада. М., 1967.
8. Вогулы – старое название манси.
9. Самоеды – старое название ненцев.
10. Шесталов Ю. В краю Сорни-Най. Северные монологи. М., 1976.
11. Шесталов Ю. Синий ветер каслания. М., 1985.
12. Язык и культура. М., 1976.
13. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1999.
14. Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Путешествия по Обскому Северу. Под ред. С. Г. Пархименко. Тюмень, 1999.

*Ольга Константиновна ЛАГУНОВА –
доцент кафедры русской литературы
филологического факультета,
кандидат филологических наук*

УДК 894. 5

**МОДЕЛЬ МИРА В РОМАНЕ
«ХАНТЫ, ИЛИ ЗВЕЗДА УТРЕННЕЙ ЗАРИ»
Е. Д. АЙПИНА**

АННОТАЦИЯ. В статье показано, что именно языческая взаимосвязь и одушевленность окружающего, характерные для мироощущения хантыйского народа, являются основой структуры романа Е. Д. Айпина.

The research presented in the article demonstrates that the pagan perception of the world as interrelated and animated being characteristic for Khanty attitude determines the basis of E. D. Aypin's novel structure.

«В самое последнее мгновение, когда все будет кончено и останется лишь единственный шаг в этой жизни...»¹ – так начинается первая глава романа Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Начинается с предупреждения: «тягучий», «беспричинный», «тоскливый» вой «многое предчувствовавшего» Харко («плохая примета»); его «жалобное скуление» (словно хотел... о чем-то предупредить); «тревожное хорканье» олененка Пева; «бледный лик с тоскливым взором» в глазах оленихи и т. д. На три дня отлучается хозяин из дома, а дорога его (предупреждает начало повествования) будет «долгой», «дальней», «тяжелой», и... последней в его земной жизни. И с самого начала становится очевидным, что не только события этих нескольких дней станут предметом изображения в романе, а и все, что предшествовало им.

Демьян «радовался дороге и движению, ибо в этом была вся жизнь охотничьего рода. Пришла песня, такая же долгая, как эта зимняя дорога...» (с. 186). Песня объединила человека, снега, деревья, землю, небо. Она, как жизнь всего живого, то «набирала темп, набирала силу и звучала, как бесконечная симфония», то «замедлялась», превращаясь в «затихающую мелодию» (с. 186). И именно в дороге, в рожденной ею песне человек начинает острее ощущать себя неотъемлемой частью, «скрипкой» этой «симфонии», объединившей «все, что было на земле и за пределами земли» (с. 186).

Дорога от стойбища в поселок — это не просто физическая, географическая дорога из одного пункта в другой. Это дорога соединяет оторванные друг от друга поколения одного рода, одной семьи. Это дорога от дома к «гостям», которые торят здесь свои дороги — «железную» и «черную трубу». Эта дорога в последний раз вернет Демьяна к началу его земного пути, проведет по его углам и закоулкам и завершит переход героя в иной мир. Это дорога — дума, в которой сошлись свои и чужие, любовь и ненависть, счастье и отчаяние, блаженство и боль, обретения и потери, сошлись много зим и много лет. Это дорога встреч, уводящих мысль героя к тому далекому, чему память никогда не изменяла.

Приток главной Реки со «знакомыми излучинами и прямыми» (с. 201) вводил героя в дни его молодости, где была она — МАРИНА. Имя, выделенное в тексте крупным шрифтом, принадлежало той, которая пробудила в нем первые ни с чем не сравнимые волнения души, сердца, тела, которая заставила забыть о земном и подарила сладкий миг вечности. «Не стало жизни. Быть может, жизнь остановилась. Быть может, жизнь кончилась... И он потеряет сознание, лишится рассудка... И сердцу захочется свершить чудо — ведь оно помнит каждую линию, каждый изгиб, каждый поворот, каждое закругление, каждую выемку» (с. 360).

Воспоминания Демьяна (а именно они — стержень романа) не следуют одно за другим, в определенной хронологической последовательности. Каждое из них — есть некое самостоятельное достаточно сложное структурное образование, в основе которого лежит принцип «матрешки». Одно воспоминание включает в себя еще несколько. Оно может разветвляться (расширяется сфера воспоминаний), может включать воспоминания других героев. Нередко думу героя «подхватывает» повествователь, что приводит к «перебивкам» времени в романе, отграничивающим и одновременно соединяющим прошлое, настоящее, будущее: «... его слова сбудутся»; «много лет спустя Микуль... упомянет... это имя... ничего не скажет жителям Реки» (с. 372-373); «Юван пока не знает, как уйдет из жизни его дядя, Седой. А уйдет он неожиданно...» (с. 395); «... спустя годы... Микуль, пораженный, остановится у белого обелиска» (с. 936); «Он вспомнит слова отца много лет спустя... Это будет потом» (с. 197); жажда справедливости «поведет ее (дочь Айсидора — О. Л.) по жизни... Много лет спустя она расскажет о поездке своему племяннику Микулю... Следы отца она все-таки разыщет» (с. 249, 250); «А спустя годы Микуль... многое поймет, перелистав пожелтевшие бумаги» (с. 257); «Это будет впереди... Уйдет неведомо куда... Все это впереди, все это будет потом» (с. 263).

Мысль Демьяна «легко переходила с одного десятилетия на другое, с другого на третье... В мгновение она может домчаться до Луны и Солнца и вернуться обратно» (с. 208). На протяжении пути память не единожды возвращала его к одним и тем же судьбам, событиям, фактам. И каждое возвращение было или естественным продолжением предшествующего или, сохраняя предмет воспоминания, обрастало новыми подробностями.

Дума о Марине — самая лиричная в романе. Память сохранила все, акцентируя удивительные детали. Цвет ее волос. В описании его — бездна страсти и трепета, не износившихся под тяжестью прожитых лет.

Прядь — не просто «цвета коры осенней лиственницы», а с множеством оттенков. «Лиственница молодая, лиственница средняя, лиственница пожилая, листвен-

ница древняя. Лиственница в хвойном лесу, лиственница в лиственном лесу, лиственница в смешанном лесу. Лиственница в распадке, лиственница на взгорье. Лиственница урманной стороны, лиственница болотной стороны. Лиственница утром, лиственница в полдень, лиственница вечером... Вечерняя лиственница... » (с. 206-207). Этот цвет вобрал время и пространство демьяновой земли. Малоизвестная русская девушка стала не только частью его жизни, но жизни всего, что было вокруг. «Удивительные линии ее тела» уходили за горизонт, линии «становились продолжением песка, воды, леса, неба... Эти линии он видел в деревьях, травах и листьях, в облаках... везде... она сама стала частью ярко-золотистого песка, частью леса, неба, солнца. . . » (с. 266, 267). Она не просто заполнила собой весь мир, а весь мир сосредоточился в ней. Мир, вдруг раздвинувший свои границы, это и есть она: «жизнь стала больше, мир — шире, небо — выше», «земля преобразилась» и, наконец, мир и жизнь «соединились воедино» (с. 278, 279).

Память Демьяна без труда восстанавливала все детали «путешествия» с Мариной (путешествие в путешествии). Как устраивались на привалы, плыли по реке, скрывались от дождя, о чем говорили. Голос, взгляд, движения и... День безумия. Уже прошла жизнь, а он помнит эту сумасшедшую «линию», которая и есть «истинный смысл жизни. На сегодня, на завтра, на послезавтра». (с. 362) Эту «линию» «творило» не только сердце. И много лет спустя сын Демьяна Микуль будет долго смотреть на эту «линию» из отцовского «прекрасного» далека, силясь разгадать ее тайну.

Самого же Демьяна на протяжении многих лет память будет изводить «каждым весенним болотом, каждой осенней лиственницей, каждым изгибом реки и озерного берега... Она будет всюду вокруг него — в цветах, в звуках, в линиях его тайги, его Земли» (с. 358).

Путешествие Демьяна во времени и пространстве создает в романе определенную систему отношений субъективного и объективного. Для героев Е. Айпина всегда важно ощущение пространства и себя в нем. Это может быть пространство реальное или созданное воображением, пространство мысли или территории. Оно почти всегда беспредельно, «связь» с ним «неразрывна». При встрече с песчаными озерами, сохранившими еще следы жизни предков Демьяна, герой ощутил, как эта небольшая территория вобрала в себя и лес, и небо, и луну, и звезды. «И эта связь, и это пространство со всем, что в нем есть, словно родник, питало его чем-то живительным... Он чувствовал себя частью этого беспредельного пространства» (с. 288).

Возвращаясь в День Безумия, когда «потерял ощущение времени и пространства» (с. 371), к разговору с Микулем о «таинственной линии», Демьян вспоминает, как удивили его картины Геннадия Райшева. Картина — одно «белое», «живое», «большое», «удивительное» пространство. Чем больше он вглядывался в него, тем отчетливей ощущал, как оно «менялось», «увеличивалось». Перед ним было уже не полотно, а сама живая жизнь: «... он обнаружил след еще одной лисы. Она шла с юга на север, потом повернула на восток. Ее не видно, она уже далеко в пространстве. Остался только след. Вторая же пришла с севера и тоже повернула на восток — и теперь идет по следу первой лисы... Это не «она», а «он» — нрава он спокойного, рассудительного. » (с. 364). Демьян шел по «тропам мыслей» сотворившего это «белое» пространство, «волшебная сила» которого вновь возвращала к той сумасшедшей, «безумной линии любви и жизни», так и не доведенной им до конца (с. 371).

Пространство встречи с Мариной, вобрав пространство картины Райшева, пространства истории отца художника и демьянова детства и еще много других пространств, потеряло свои первоначальные границы. Сложная структура этого пространства создается и удерживается мыслью человека, которая «не знает ни преград, ни границ» (с. 208).

Все воспоминания Демьяна не есть стихийно возникающие раздумья о себе и других. Они вызваны причинами как внешнего, так и внутреннего порядка. «Постижь себя... свое время, свою эпоху» — вот главное, которое невозможно осуществить, если не оглядываться на прошлое, пусть «темное» и «неприглядное», если не заглядывать в будущее, «туманное», порой пугающее, но «привлекательное». «Человек должен находить себя» (с. 210) — такова суть понимания Демьяном смысла существования на земле. И в эти оставшиеся несколько дней жизни он предпринимает последнюю попытку найти себя в своей собственной дороге, в дороге рода, в жизни земли и всей Вселенной. Стремление охватить все влечет за собой калейдоскопичность, мозаичность воспоминаний и сопутствующих им размышлений, совокупность которых и создает целостную картину мира, возникающую в сознании героя. И здесь очевиден особый синтез объективного и субъективного, реального и вымышленного. В повествование включаются информация об отце художника Г. Райшева, ученом — филологе и инженере из Венгрии Еве Шмидт и Керести Ференце, статистические и демографические данные из отдельных документов, список погибших в Отечественной войне на обелиске у Вечного огня, данные официальной американской статистики, опубликованные в русской прессе и т. д.

В поисках себя Демьян находит главное, что служит оправданием его земного бытия: «связь» — с человечеством, со всем, что происходило и происходит. И «связь» эта ощущается героем не только на духовном, но и физическом уровне. Он «погиб вместе с двумя братьями под Москвой в сорок втором году. Его вместе с младшим братом разорвал шальной снаряд на берегу озера Балатон в Венгрии в сорок пятом году. Пуля, что вошла в грудь отца в Берлине в апреле сорок пятого, прошла и по его сердцу. Он четырежды убит вместе с отцом и братьями и многожды — вместе с другими родственниками» (с. 197).

Уже в начале дороги в поселок Демьян «почувствовал», что его «связи с миром что-то грозят». А в конце путешествия между ними образовалась пропасть, на преодоление которой не было уже ни сил, ни жизни. Эта пропасть приблизила день его ухода, когда, «ощутив упругое тело аркана, он шагнул в черноту ночи» (с. 422). Осознание себя звеном «связи», «которая соединяет воедино все», дает основание Быть — человеком на земле, звездой на небе. Но прежде, чем Демьян «почувствовал» себя звездой, он проделал этот недолгий — долгий последний путь человека, звеньями которого стали свои и не свои дороги, отмеченные многими «радостями», «блаженством», многими «печалями» и «муками».

Чужая жизнь — это то пространство, в котором Демьян оказывался не случайно и не в роли наблюдателя-свидетеля. Оно становилось всякий раз частью пространства его собственной жизни, сохраняя при этом подвижность своих границ, то «уменьшаясь» до той степени, когда мир укладывается в несколько шагов, то расширяясь до пространства Реки.

Дорога, «что уходила в сторону полуденного солнца» (с. 209), след карты, свидетельствовавший о неблагополучии хозяина (старая важенка в жожаках, маленький олененок в упряжке), след, который уводил Демьяна в пространство людей Медвежьего рода. Старый горельник, через который пролегал путь Демьяна, уводил его в пространство людей Лосинового рода. Разные истории разных звеньев родовых цепей, перебивая одна другую, переплетаясь одна с другой, поведут думы героя по дорогам близких ему людей. «Дорога долгая — и дума долгая. А в голове у него много дум» (с. 187).

Ранняя смерть матери, «тяжесть военных бумаг», немецкий танк, вставший на дыбы, потери близких... — переходя от одного отрезка дороги Ефима к другому, Демьян задавался одним вопросом: не тогда ли, не оттого ли побелела его голова. Ступив на дорогу Ефима и отправляясь по ней в обратном направлении, Демьян выйдет на тропу «старшины» Реки старика Петра. Сидя в камере в ожидании своей

участи, дед Ефима даст волю передвижениям своей мысли, и она то «начнет свободно бродить» «по урманам, борам, болотам, рекам, озерам, ручьям, родникам», то «поведет его» к началу жизни, и «пройдя через судьбы многих людей... он вдруг ужаснется... как далеки и как близки они — начало жизни и конец жизни» (с. 216). Старый человек «обнаружит», что «единственной отрадой жизни» является «человеческая память», которую «не заключишь в камеру, ничего ей не прикажешь», и все бессильно перед ней. Много лет спустя его внук Ефим, сам уже ставший стариком, вспоминая войну, на которой расстояние от жизни до смерти сведено к одному шагу, расскажет о погибшем Друге из Омска, ложку которого он бережно хранит. Ложка с инициалами «Б. Н.» — память о человеке, вместе с вещью передаваемая из поколения к поколению. И, пока сам Седой жив, он будет говорить об ушедшем в настоящем времени: «Друг у меня есть... когда я уйду, тогда, может, и он уйдет» (с. 305).

Память Петра, включенная в память Демьяна, возвращает обоих во времена Кровавого глаза. Сознание одного героя становится посредником в передаче сознания других героев. Каждое существует одновременно автономно и как звено одного целого. В воспроизведенную память Демьяна историю Петра органично включаются размышления Ефима, который досказывает конец этой истории. Деда выпустили из камеры, но тут же на улице забили как врага народа. Небо—Земля—Свобода—последнее, что зафиксировало сознание старика Петра. Границы пространства и времени его последнего земного шага (видимо, это удел всего последнего — шага, вздоха, взгляда, встречи, дороги и т. д.) разомкнулись, и «он успел заново прожить всю свою долгую жизнь... успел встретиться и проститься со всеми» (с. 221). И опять это физическое ощущение своего присутствия там, где не был, дающее человеку возможность пережить и душой, и плотью то, что выпало на долю других. «И Ефим отчетливо увидел этот последний душераздирающий миг в жизни деда. Может быть, в это мгновение его волосы тронула седина... Каждый уходящий родственник оставлял на голове Ефима горькую отметину» (с. 222).

Тяжесть судьбы человека теряющего — не только в самих потерях, а и в том, что он должен «жить за всех, кто не дожил до положенного срока» (с. 222), соединяя своей жизнью концы потерявшей звенья родовой цепи. И будет Седой в прямом и переносном смысле тянуть эту «лямку» жизни, теряя родных, проклиная войну, пропивая и так давно захиревшее хозяйство. При встрече на дороге с Демьяном Седой скажет: «Сам впрягусь в нарту». А годы спустя эти сгоряча сказанные слова пьяного Ефима сбудутся. Сын Демьяна Микуль на той же дороге встретит Седого, «постаревшего и изможденного. Они втроем тянут небольшую нарточку с покупками — он, Седой, его жена и собака» (с. 291).

Все думы Демьяна имеют свое внутреннее и внешнее, физическое пространство, которое, как мы уже отмечали, нередко осознается героем как нечто «беспредельное». Потому изначальный посыл его духовного путешествия — найти себя, понять других — уже в первой половине пути осознается как малоперспективный. «Если пространство беспредельно, значит беспределен и человек... То есть и он, Демьян, беспределен. И выходит... не сможет постичь себя до конца... Коли себя не можешь постичь, так другой и вовсе непостижим?!» (с. 288).

Но понимание малопостижимости человека не останавливает героя: «Когда едешь — много думаешь... Зимой — дорога длинная... Одна дума кончится, приходит другая. Начнешь обдумывать жизнь людей своего рода, потом жизнь людей Реки. Думы, как и дороги, бесконечны» (с. 273-274). Но бесконечность эта достаточно условна. Исчерпав себя, в какой-то момент одна дума переходит в другую. Завершив свой земной путь, одно поколение передает эстафету жизни другому. Дорога, по которой держишь путь, в какой-то точке перестает быть единственной, если на ней есть поворот в ту или иную сторону. Один из таких поворотов на Царской дороге и уводит Демьяна в физическое и духовное пространство людей Лосинового рода, пере-

бирая страницы истории которого, память Демьяна одни бегло пролистывала, на других задерживалась. Задерживалась она на дорогах семьи первого председателя первого колхоза Айсидора, проповедующего Красного царя и жизнь «по бумагам», открывшего Реку и ее жителей Кровавому Глазу, находившего врагов народа столько, сколько было необходимо. И когда настал час «приговора себе», пришло понимание того, что несмотря на то, что все делалось им во имя светлого будущего, не будет в этом будущем «пощады» ни в Среднем, ни в Нижнем Мире ни ему, ни мужчинам его ветви. Тяжела ноша жизни за других (Седой), тяжела ноша расплаты за грехи близких: «За всякое зло, оставленное на земле, нужно платить» (с. 264). Младший сын Айсидора от рожденья был горбат. Погиб муж дочери Тамары — досталось и женской половине ветви. Умирает пятилетняя дочь сына Коски Малого, в него самого вселился Нечистый дух Нижнего Мира, и из жизни он уйдет при загадочных обстоятельствах — «найдут его пустую лодку». Тяжесть вины Айсидора ощущает и сам Демьян: «он чувствовал, как прошлое давит и на него» (с. 264).

Не всех людей Медвежьего, Лосинового или иного рода, не все о каждом вспомнил Демьян. Но, к какому бы роду ни устремлялась его мысль, она невольно уводила во времена Кровавого Глаза, «бессмысленные» и «черные». Уже в поселке он рассказывает сыновьям историю отца почтового человека Галактиона Курпелака ветви Сардаковых. Спасая детей, спасая род, старый Нерм-ики сам ушел из Среднего Мира, что случалось у ханты крайне редко.

Начало романа — это не только начало дороги Демьяна в поселок, но одновременно начало конца его земного пути. С первых глав в мотивной структуре романа доминирующим становится мотив конца — конца дороги, рода, связи, времени, Реки, жизни. Потому, вероятно, спутниками героя в его последнем земном пути были боль и огонь, а не песня, которая, не успев начаться, скоро обрывалась. Оборвалась она уже тогда, когда Демьян выехал на Родниковое озеро: черные пузатые бочки, след самолета в небе, «чихающий» трактор, искатели — «песня не пошла, не зазвучала в нем эта давно знакомая мелодия пути» (с. 233). Все, что попадало в поле зрения старого охотника, «отпечатывалось в его памяти... все должно быть в голове... пройдет несколько времени и, если в этом будет необходимость, он восстановит в памяти все, что видел» (с. 191). Но не случится так, и все, что схватывала память в этой дороге, унесет с собой Демьян в другой мир. Жизнь человека оборвется вдруг, как и песня, фиксируя все перемены, происходящие с приходом искателей, пытаясь даже как-то оправдать их присутствие на своей Земле.

Демьян понимал — прежнему времени пришел конец, «будет много забот и много шума... озеро перерезано темной бороздой... острие этой борозды упиралось в его недалекое зимовье... сосновый бор разрежут, кедровники разрежут, березовые рощицы... разрежут, попадет селение — разрежут... ничего живого не оставляют... И где-то внутри стал разгораться черный огонь, что шершавым языком лизнул сердце... огонь постепенно охватывал все нутро... щемящая боль теперь ни на мгновение не отпускала его... острие борозды... упиралось в сердце» (с. 198, 199, 200).

Привыкший со всеми ладить, ко всем относящийся по-родственному, Демьян и искателей принял за тех, кого можно было назвать «гостями», пусть незванными, неожиданными, малопонятными, иногда малопривлекательными, но «гостями». А к гостю у ханты отношение одно — почтение, уважение, доверие, внимание. Но гости были особые, оттого всякое возвращение к ним мысли Демьяна обостряло «иссушающую» боль, распалило «тоскливо-медленный» огонь, рождало ощущение, «что он стоит под стрелой самострела» (с. 226). Пришло время, когда рушилась основа основ, — вера пришедшему в твой дом. И возникнет желание повесить на дверь своего жилища замок, объезжать стороной когда-то близкие места. Возникнет ощущение необходимости сказать сыновьям слово, дабы «ускользают от его дум-мыслей... зыбкой становится их связь с домом, с отцовским промыслом, с родной землей. А без

этой связи... умирает душа человека» (с. 321). Главное — не физически выжить, а сохраниться духовно, душу не потерять. «А умирает душа человека вместе с народными певцами, со сказителями, с древними «поющими древами»... должна звучать мудрая песня ли, сказка ли старого человека» (с. 321). В конце романа воспроизводится рассказ Демьяна (из воспоминаний о Марине) о празднике Пляска Медведя — вдохновенный, поэтический, со множеством удивительных деталей этого действия. В конце романа Галактион Курпелак рассказывает сказку, которую слушал затихший дом, «селение слушало», слушали Демьян и его сыновья. А два десятилетия спустя Микуль, приехав в поселок, разыщет старого сказочника и на просьбу вспомнить сказку услышит в ответ: «Какие там сказки... Ум мой опустошился, слова мои кончились. Какие там сказки... в этот страданий век... Люди мои кончились» (с. 344).

Пространство праздника, где каждый знал, в какой момент и что он должен сделать или сказать, пространство сказки, объединяющей вокруг все живое, казались беспредельными и безграничными, вбирающими в себя все времена, все поколения. Но Безумное время — Время Нефти — Время Газа — Время дурной воды (с. 345) вдруг обозначило предел этой бесконечности, и «одна потеря вызовет другую, другая — третью, третья — четвертую... И так пойдет по цепочке» (с. 348). И так приходит конец песне, сказке, семье, роду, народу.

Сознание Демьяна совместило два пласта — мифологический и реальный (исторический). На основании услышанного у него сложилось достаточно четкое и своеобразное представление о Кремле, Москве, Государстве, Мире, Ленине. В герое была крепка вера (и в этом он не был одинок — упоминание о скульптуре Петра Шешкина «Ленин на Севере», где Ленин изображен в малице), что все он видел сам. Тот, другой мир существовал не только в мифах, передаваемых от поколения к поколению, а и в реальных судьбах (директор интерната Корнеев), реальных людях. Искатели — это тоже часть того мира. Одни существовали только в воображении Демьяна: «У него уже сложился в голове образ Медведева: бородатый и круглолицый искатель богатырского сложения с сильными огрубевшими руками. Но глаза веселые и добрые... голос... звучный и неторопливый (с. 405)... человек мыслящий... думающий о будущем (с. 192)... Он тоже из рода Медведя... » (с. 406). Другие относились к тем, с кем Демьян имел возможность встретиться и пообщаться непосредственно. Мысль об искателях с начала дороги усиливала боль, но именно к ним он решил заехать на обратном пути, чтобы эту боль заглушить, чтобы с кем-то ее разделить. Путь сложился не по прямой, а по кругу, что создавало ситуацию тупика. И всплывшие в памяти героя вопросы, которые он когда-то задавал себе, впервые в жизни забыв о Рыбе Удачи — «Что же будет? Что впереди ожидает их?... Что им преподнесет Время?... Радость или печаль?» (с. 409) — сделав круг по жизни, вернулись к Демьяну. Тогда оглушала мысль о разлуке с Мариной, о «близком конце», который он воспринимал как самое «тяжелое», «беспросветное», «трагическое» (с. 410). По окончании дороги пришла мысль о конце жизни. «Все. Конец. Пеструху убили. УБИЛИ... (с. 416) . Продолжения жизни не будет... » (с. 417).

Герою хочется верить, и он верит, что конец может перейти в начало. Об этом и предание, которое вспоминает Демьян на пороге в другую жизнь: много лет спустя «мужчины возвращаются из потустороннего мира на землю в образе таежных птичек» (с. 422). Об этом последние земные мысли героя: «Он был Звездой Утренней Зари... Без него немыслима Вселенная... когда придет время, он взойдет на востоке Звездой Утренней Зари и принесет людям новый день» (с. 423). Последний миг земной жизни, когда перед ним еще раз промелькнули «все дни его жизни», вернул Демьяну ощущение того, что он есть «звено» «связи», которая соединяет воедино то, что называется Жизнью — и Солнце, и Звезды, и людей» (с. 423). Не случайно в пространстве Вселенной, частью которого он является, герой всегда вычленяет Небо, Солнце, Луну, Звезды. По верованиям обских угров, Земля, включенная в семь сло-

ев жизненного пространства, сама состоит из трех слоев: «В понятие Земли непременно входит нижний слой Неба (с Луной и Солнцем) и верхний слой Подземелья (с миром усопших)»².

В конце жизни Демьян вспоминает давний разговор с отцом о том, какая Звезда главнее — Утренней Зари или Вечерней Зари. Сын примет мнение отца — Звезда Утренней Зари — она возвещает о приходе нового дня, с ней приходит свет, да и восходить гораздо труднее, чем «падать за горизонт».

Решение Демьяна уйти Вверх не возникло вдруг. К нему подталкивали так и не притупившаяся за время поездки боль, так и не затихший огонь и мысли («много размышлял») о Вверх ушедшем Человеке, с рассказа о котором и начинается роман. Подтолкнуло и понимание того, что возвращения к благословенным временам не будет, что лучшие мгновения жизни канули в небытие. Подтолкнуло ощущение бессилия, отчаяния, бессмысленности противостояния набирающей силу земной «нечистоте». Герой «потерял надежду на завтрашний день» и понял — надо уйти, но так, чтобы вернуться, и не птичкой, а Звездой, которая даст начало Новой Жизни. Путь Вверх — это путь тех, кто постиг Истину Истин, кто жил для людей, ни словом, ни делом не оскорбил соотечественников, кто нашел свое место в Мире Земли и Неба, кто не потерял душу. Размышляя о Звездах, Демьян находил много общего в законах жизни на Земле и Небе. «Умирают Звезды — и рождаются Звезды... И люди что Звезды... Тоже умирают и рождаются» (с. 312). Восхождение Звезды Утренней Зари объединяло в одном миге рождение и смерть — «С ее восходом кончается ночь и начинается день» (с. 312). Одно мгновение может соединить конец и начало, ибо в структуре жизненного пространства, по представлениям ханты, сложились особые отношения между отдельными ее составляющими. «Небо начинается (снизу вверх) с первого слоя Подземелья, а Подземелье (сверху вниз) — с ближайшего к Земле слоя Неба»³.

Три дня отделяют начало путешествия Демьяна от его последнего шага в другую жизнь. Семь дней длится восхождение вверх Ушедшего Человека — на седьмой день караван исчез из вида. В цифровой системе ханты «3» и «7» — срединные числа, первое легко переходит во второе. Семь — это «все», это «всеобщая 1», «центр центров», «сверхтрояственность или триада центров». Переход «3» в «7» — есть переход от «обыденности» к «божественности». «7» — это центр ритмической организации жизненного пространства у ханты, это «все, что звучит в человеке». «7» — это «сгусток (живая единица) пространства — времени... весь мир охватывается только тем, что идет «изнутри» человека. А в «изнутри» непременно есть середина — «я». Поэтому за «7» идет не «8», а следующая «семь-я» — «3» («9») или «7». Или... Ничего»⁴.

Когда Демьян почувствовал себя Звездой Утренней Зари, возникло ощущение, что он находится в середине пространства между Небом и Землей: «Теперь и Небо, и Земля смотрят на него так, словно он стал их центром, и от него зависит в будущем жизнь и небесная, и Земная...» (с. 422).

В рассказе о Вверх Ушедшем Человеке, предваряющем повествование о дороге Демьяна, акцентируется эпизод с последней нартой, так и не поднявшейся с остальными. Упав с высоты, она наполовину врезалась в землю, «до середины ушла в окаменевший песок бора» (с. 178). Небо не приняло нарту с «лишним и нечистым», вернуло ее Земле. «Люди сказывают, что до сих пор сохранился ее остов, дабы сделана она была из самого прочного и долговечного дерева — лиственницы. Время не тронуло ее в назидание потомкам: «чтобы не брали в дальний путь ничего лишнего и нечистого, чтобы дела и помыслы в дороге, называемой жизнью, были бескорыстными и чистыми, чтобы следующим поколениям проложили ничем не запятанный след» (с. 178).

Пеструха, Харко, искатели, аркан — последнее земное, за что цеплялась мысль Демьяна, который уже «не находил себе места» на этой земле. И крепнет желание

оторваться, чтобы сверху посмотреть, что и кто тянет вниз, уйти, чтоб пришло утро, день, солнце, уйти, унося с собой боль, огонь, и тяжкий грех.

В заглавии романа слова *Ханты* и *Звезда Утренней Зари* употреблены как взаимозаменяемые — «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Заглавие отсылает к разным, но не противопоставленным стихиям, отражает движение из одного пространства в другое, путь, не разводящий, а объединяющий Землю и Небо. Первое слово в названии романа дано во множественном числе, второе в единственном. Соотнося заглавие и текст произведения, невольно приходишь к выводу о том, что эти элементы целого скреплены мыслью о жертвенности. Человек жертвует своей жизнью, дабы сохранить на Земле народ. Образ Человека — Звезды концентрирует в себе одновременно Смерть — Рождение — Возрождение каждого в отдельности и народа в целом. Уходящие Вверх умножат количество Звезд на Небе. Главное, чтобы остались те, кому эти Звезды будут возвещать о приходе Нового дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари // Айпин Е. Д. Клятвопреступник. М., 1995. С. 172. В дальнейшем все сноски даются по данному изданию в тексте с указанием страницы.
2. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции селькупов и угров. Екатеринбург, 1995. С. 565
3. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции селькупов и угров. Екатеринбург, 1995. С. 565
4. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции селькупов и угров. Екатеринбург, 1995. С. 572-573.

Николай Эдуардович ШИШКИН —
 ассистент кафедры журналистики
 филологического факультета

УДК 821.161.09+002.2

СЕВЕРНЫЙ

**ОЧЕРК НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОКТЯБРЬ»
 (По материалам литературного поста
 «На Земле Тюменской»)**

АННОТАЦИЯ. В статье на примере материалов журнала «Октябрь» рассматриваются особенности северного очерка как явления в отечественной публицистике 70 — 80 годов XX века.

This article deals with the peculiarities of «northern» essays carried out in the «Octyabr» of the 1970 – 1980s.

В 1974 году в журнале «Октябрь» возникла практика создания так называемых «литературных постов». Темпы освоения Западной Сибири, ее огромный энергетический потенциал сразу же привлекли внимание редакции. В августе того же года редколлегия журнала провела выездное заседание в Тюмени, где с местными партийными органами была достигнута договоренность о создании литературного поста «Октябрь» «На земле Тюменской».

В 1975 году появились первые публикации, объединенные рубрикой «На земле Тюменской». В редакционной преамбуле сообщалось, что «рассказ о преобразованиях в Западной Сибири поведут писатели и сами участники гигантских строек» [1].